

Власть

Большаков В.И.

САКРАЛЬНОСТЬ ВЛАСТИ

Большаков В.И. – заведующий кафедрой «Основы гражданственности» Российской Академии живописи, ваяния и зодчества, доктор философских наук, профессор

Аннотация: В статье анализируется проблема власти: почему к одним она приходит, от других утекает? Вводится понятие сакрализации власти – как подчинение индивида, народа или государства воле одного человека, основанное на вере этого народа или государства в то, что правитель является законным носителем, своих полномочий и прав в силу того, что представляет некие высшие трансцендентные силы, дающие ему эти права. Соответственно десакрализация власти означает утрату этой веры. *Сакрализация* власти и ее носителей анализируется в широко известной типологии К. Ясперса, который ввел понятие «Осевого времени истории». Начиная с эпохи просвещения и в современную эпоху, когда картина мира строится, прежде всего, на основе естественнонаучного познания, была сделана попытка лишить власть ее сакрального содержания. В результате десакрализуется вся картина мира в целом – и власть, как ее элемент, в частности. В России высокий духовный потенциал эпохи самодержавия послужил причиной окончательного формирования в тот период представления о «Святой Руси» и о «Третьем Риме». В тоталитарных обществах эпохи современной культуры «Сакрализация» власти – феномен особый, напрямую связанный с появлением именно в секулярную эру так называемых «гражданских религий», т.е. тоталитарных квази-, псевдо- и даже антирелигий по своей сути.

Сакральность власти

Власть?! В чем суть этой, на первый взгляд, очевидной и, в то же время, непонятной и таинственной категории? По каким причинам она появляется и, по каким исчезает? Без ясного понимания этого ключевого понятия социально-политических наук никакие реальные шаги с целью изучения ее механизма невозможны.

Бытует мнение, что власть это обладание «вертушками», «мигалками» и административным ресурсом. Допустим, что это так. Тогда, как объяснить, почему, министр обороны, шеф КГБ, и прочие весьма влия-

тельные участники ГКЧП, имевшие изобилие этих признаков власти, в самый ответственный момент вдруг обнаружили, что власти у них нет? Что она куда-то делась? Могла ли их реальная власть вот так в одночасье испариться?

Или возьмем пример из ранней истории – царствование Бориса Годунова. Умнейший, очень искушенный и властный политик для своего времени, имевший в своем распоряжении почти весь государственный ресурс, и вдруг его власть стремительно начинает умалаться. Причина, на первый взгляд, смехотворная – прошел слух, будто убиенный царевич Дмитрий жив. Получается, на одной чаше весов слух, на другой государственный ресурс. Слух оказался сильнее. Города один за другим сдавались самозванцу без боя. Царь Борис со всем своим ресурсом оказался бессилён противостоять победоносному шествию самозванца по Руси. Получается, тень убиенного царственного младенца перевесила ресурс государства.

Еще один пример, начало коммунистической эпохи. Скромный генсек РКП (б) Джугашвили на фоне блистательных ораторов типа Троцкого являлся абсолютно незаметной фигурой. И вдруг он начинает концентрировать невероятно огромную власть. Всесильные Рыков с Зиновьевым приходят жаловаться Ленину, мол, Сталин узурпирует власть. И действительно, вопреки формальному положению, что неприметная должность Сталина не дает большой власти, у Сталина все усиливается властный ресурс и никаким приказом эту ситуацию не изменить. В итоге скромный генсек продолжил концентрировать на себе всю государственную власть и спустя некоторое время он стал абсолютным хозяином России. Цари не имели такой власти, какую приобрел Сталин.

Так что же такое власть? Почему к одним она приходит, от других утекает? Как понять, при каких условиях власть начинает аккумулироваться в одном месте, а при каких рассеиваться?

Вероятно основа власти – это доверие народа. Нет доверия, нет власти. Если правительство не имеет доверия, оно не имеет власти. Доступ к государственному ресурсу, который можно использовать в личных целях, – это еще не власть. Такой власти достаточно, чтобы паразитировать на обществе в период застоя, но недостаточно для принятия глобальных судьбоносных решений, недостаточно, чтобы заслужить народную любовь и признание. Напрашивается вывод, что есть два типа власти. Первый тип – власть, на народном доверии, авторитете и любви. Второй тип – скрытая власть, на принуждении, обмане и манипуляции массовым сознанием.

Вопрос о власти является центральным в обществе. Почти никто, даже среди отшельников, живущих в окрестностях монастырей, не относится безразлично к власти, потому что даже в их понимании всякая власть необходима, ибо она исходит от Бога. От власти зависит многое, поэтому вопрос о политической власти касается всех и каждого.

«Великое и страшное дело власть, потому что это дело – священное. Власть – не для себя существует, но ради Бога, и есть служение, на которое обречен человек. Отсюда и безграничная, страшная сила власти – и безграничная, страшная тягота ее». Так говорил о власти Константин Петрович Победоносцев, один из образованнейших людей Российской империи. И тут мы подходим к понятию священности или, иначе говоря, сакральности власти.

Сакральность

САКРАЛИЗАЦИЯ (от лат. *sacro* – освящать, объявлять священным) – превращение в священное, наделение сакральным смыслом объектов и событий внешнего мира, а также мысленных образов, сценариев, невербальных символов, действий, слов и т.д.

В основе сакрализации лежит признание священного (*сакрального*) как противоположного светскому, мирскому. Сакрализация в теологии означает подчинение Богу. Символом этого выступает освящение, т.е. такие действия, в результате которых с виду обыденная процедура приобретает трансцендентный, божественный смысл, то есть превращается в таинство.

Благодаря вере в существование каких-то высших сил и начал, от содействия которых зависят жизнь и благополучие человека, у людей сформировалась внутренняя психофизиологическая потребность наполнить новым сакральным смыслом свои восприятия, мысли, воспоминания, сновидения и т.п., а кроме того, и неотделимые от них действия, объекты и события.

Имитация сакральных сценариев с помощью ритуала, отождествление магических изображений, символов и слов с оригиналами и т.п. – все это позволяет мышлению, используя в той или иной степени манипулирование знаково-символической информацией, значительно расширить свои оперативные возможности переносить сакральные смыслы на объекты окружающей среды и формировать универсальную модель религиозного миропонимания.

До появления письменности сакральность оставалась единственным средством закрепления в коллективной памяти важной для выживания

людей социокультурной информации. Она обеспечивала дополнительный эмоциональный стимул развитию культуры, наделив священным смыслом действия, мысленные образы, символы и слова людей, способствовала передаче и усвоению адаптивно ценных знаний и тем самым значительно ускорила культурную эволюцию человечества.

На протяжении всей истории на всех этапах развития культуры религия играла и продолжает играть важную роль в жизни общества. С нею связано развитие многих видов художественной деятельности: литературы, музыки, танца, пластических искусств. Библия, Коран, Махабхарата и Рамаяна представляют собой не только религиозные тексты, но также важнейшие источники народного творчества. Литургия – не только часть церковного чинопоследования, но один из монументальных музыкальных жанров, раскрывающий в звуковых формах миропонимание людей.

Например, религиозно-ритуальную основу имеет танцевальное искусство Индии. Наскальные рисунки древних людей, икона в искусстве Средневековья и Нового времени – неотъемлемые части изобразительного искусства. Величественные христианские соборы и храмы Италии, Франции, Германии, России и многих других стран – это запечатленная в камне история духовной культуры. Примеры художественных явлений, так или иначе связанных с религией, неисчислимы. Они находятся в органическом единстве с национальными традициями, обрядами и повседневной жизнью народов.

Необходимо отметить, что заметный вклад в разработку понятия «сакрального» в философии XX века внес Р. Отто своей работой «Священное»¹, в которой он доказывает, что сакральное является определяющим свойством религии. Эта работа принесла автору мировую известность. В ней он на основании длительных наблюдений и размышлений пришел к выводу, что духовный опыт человека приводит его к Реальности, превышающей рациональное познание. При этом Отто в отличие от принципиальных иррационалистов, был убежден, что рациональный элемент необходим в Богопознании; он лишь подчеркивал, что на высшем уровне мистического опыта одного разума недостаточно.

Среди огромного массива работ, посвященных данной тематике, необходимо также отметить труды М. Элиаде, в частности, его работу «Священное и мирское»². В ней с философско-позитивистских позиции –

¹Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб., 2008

²М. Элиаде. Священное и мирское. М., 1994

исследуется, с одной стороны, принципиальное различие священного и мирского, а с другой – превращения человека и общества в целом из естественной реальности в реальность сверхъестественную путем обращения к сакральному через религиозный опыт.

О сакрализации власти писал А. Дугин в своей работе «Философия политики»³, где дан анализ сферы сакрального в целом и специфики проявления этой сферы на разных исторических этапах. Влияние христианской мифологии власти на ход политического развития России с момента принятия христианства в 988 году и до крушения власти последнего представителя из династии Романовых – Императора Николая II исследуется в книге Л. Андреевой⁴.

В целом же, необходимо сказать и о том, что, несмотря на кажущееся изобилие работ, так или иначе связанных с проблематикой сакрального, священного, мало работ, посвященных попытке связать в единое целое эти процессы, происходящие в мировой истории и выявить их проявление в мировой культуре, политике, государственности.

Сакрализация власти – это подчинение индивида, народа или государства воле одного человека, основанное на вере этого народа или государства в то, что правитель является законным носителем своих полномочий и прав в силу того, что представляет некие высшие трансцендентные силы, дающие ему эти права, обладает надчеловеческими правами над жизнью и деятельностью своих подданных, соответственно десакрализация власти означает утрату этой веры.

В работе В.М. Живова и Б.А. Успенского⁵, проблема сакрализации носителя верховной власти была исследована на обширном материале русской культурной истории. В этой работе сакрализация носителя верховной власти рассматривается как устойчивая характеристика русского культурно-политического сознания Нового времени; по мнению авторов с определенного момента отношение к монарху в России приобретает ярко выраженный религиозный характер, о чем свидетельствуют, например, записки иностранцев, посетивших Россию.

Здесь надо подчеркнуть, что сакрализация власти не может быть законодательно введена, сакрализация монарха не может быть встроена в самый механизм государственного, и в частности синодального, устройст-

³А. Дугин. Философия политики. М. 2004.

⁴Л. Андреева. Религия и власть в России: религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти.

⁵В. М. Живов и Б. А. Успенский. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России. 1994.

ва. Она должна быть признана народом и вытекать из его исторических духовно-культурных представлений.

Категория «сакрального» передает особо тесную причастность соответствующего объекта, явления или процесса к действию таинственных трансцендентных «высших» сил. «Сакральным» тот или иной объект будет постольку, поскольку он является точкой непосредственного приложения указанных сил, так что контакт с этим объектом сталкивает человека лицом к лицу с ними. А поскольку главными носителями «высших сил» были божества, то с некоторым приближением можно считать, что категория «сакрального» передает особо тесную связь соответствующего объекта, явления и т.д. с Богом. Именно в этом значении термин «сакральное» и употребляется чаще всего.

Таким образом, о сакрализации власти и ее носителей можно говорить тогда, когда власть считается причастной к «высшим силам» и их проявлениям – то есть тогда, когда сам носитель или институт власти рассматривается как носитель или проводник этих сил, точка сосредоточения их действий, объект их особенно масштабного приложения и повышенного внимания. Власть приобретает сакральный характер постольку, поскольку ее носитель занимает особое положение в системе жизненно важных взаимоотношений подвластных ему людей с Богом или с Законом Божиим.

Божественное, сакральное и brutальное в доосевую, постосевую и современную эпохи

Обожествление земной власти и ее носителей возможно только в культурах, обозначенных в широко известной типологии К. Ясперса, как «постосевые» культуры⁶. Мы понимаем под «осевым временем» (вместе с завершающими его основные процессы веками), прежде всего, эпоху зарождения, становления и оформления мировоззрений, вменяющих человеку в непрменный этический долг искать единственный смысл существования вне своей «земной» жизни и «земных» желаний и потребностей. Ярче всего этот новый тип мировоззрений, воплотился в т.н. «мировых» теоцентрически-догматических религиях; эпоха его доминирования в Западной и Южной Евразии и Северной Африке («постосевое время») и определяется обычно как «средневековье» в истории человеческих культур. Культуры, предшествующие «осевому времени» Ясперса

⁶К. Ясперс. Смысл и назначение истории. М. 1994.

(как те, что были выработаны в рамках обществ, достигших стадии цивилизации, так и первобытные), представляются достаточно сходными по ряду ключевых черт, чтобы объединять их в одну парадигму, именуемую «доосевой» или «архаической».

При сакрализации же власти правитель признается особенным, но все же человеком. В такой ситуации первичны обязательства власти перед народом по обеспечению его процветания, в том числе посредством совершения соответствующих ритуалов.

Доосевым культурам вообще чужда абсолютизация чего-либо «сверхъестественного», «трансцендентного». Их божества конечны, уязвимы, подвержены космической несвободе; они так же «материальны» и природны, как и любые другие объекты и существа. Сам мир божеств здесь моделируется по образу и подобию мира людей: в нем есть свои владыки и подданные, одушевляемые примерно теми же мотивами и ценностями, что и люди, лишь их могущество и неуязвимость значительно выше. Соответственно, различие между «сакральным» (исходящим непосредственно от божеств, наиболее тесно и явно связанным с божествами и их могуществом) и «брутальным» (обыденным, приземленным, удаленным от мира божеств) здесь, при всей своей важности, не разделяет непреодолимая пропасть.

Совершенно по-иному обстоят дела в осевых – постосевых культурах, отбросивших релятивистские мировоззрения архаики и заменивших их на догматические теоцентрические религии. В эту эпоху складываются великие культуры, определившие последующий ход цивилизационных процессов – духовных, социальных, политических. Образуются цивилизации нового типа – как крупные межконтинентальные, надэтнические сообщества, объединенные уже многообразными, а не только политическими, внутренними связями между составляющими их обществами, общностью глубинных основ их бытия и направления развития, а не просто схожестью различных этнокультурных характеристик. В то время начала формироваться современная цивилизационная картина Земли, а изменения, в дальнейшем на ней происходившие, были во многом обусловлены теми свойствами цивилизаций, которые сформировались именно в осевое время. Эта эпоха явилась периодом смены типа культуры и социокультурной организации, общественной регуляции в глобальном масштабе: культура архаическая уступала место традиционной, гораздо более далекой, по сути, от нее, чем современная, рациональная.

Хотя, разумеется, и после осевого времени существовали и даже

формировались многочисленные архаические общества со своей культурой, но теперь уже не они определяли «культурный ландшафт» человечества, темпы и характер социальной эволюции в целом. С переходом к традиционной культуре осуществился разрыв с такими фундаментальными особенностями культуры архаической, непосредственно воздействовавшими на основания взаимоотношений и взаимовосприятия человека и власти, как ее локальность, релятивизм, адогматизм, органическое включение человека в Космос не в качестве его центра, но и без всякого выведения отсюда долга подчинять человеческий выбор каким-либо надчеловеческим началам, хотя бы и космоцентрирующим. Ориентация людей на собственные житейские потребности, их уверенность в своей способности использовать высшие силы и подчинять их в какой-то мере своей воле. В западном ареале Старого света появляется и распространяется догматический и теоцентрический монотеизм, доминируют прямые отношения «личность – Бог», понимаемые теоцентрически, т.е. на основе признания априорного этического долга людей тотально подчинять свое поведение и систему ценностей воле Бога, в противоположность доминирующим ранее отношениям «коллектив людей – сонм предков и божеств», рассматриваемым как взаимовыгодные, причем люди вступают в них, только ради собственных надобностей, а свои исходные ценностно-целевые приоритеты устанавливают самостоятельно, без малейшей оглядки на какой-либо внешний диктат. Сходные процессы в иной форме протекают и на Востоке.

Теперь божества сменяются Богом, не подверженным какой бы то ни было несвободе; уровню «божественного» приписывают новый, трансцендентный и абсолютный (в том числе этически абсолютный) характер, считают этот уровень источником всякого добра и чем-то иноприродным по отношению ко всему остальному, тварному миру. Пропась между ними становится бесконечно глубокой, и Бог уже не подобен человеку по качеству, устремлениям и способу существования, как было ранее, но принципиально несоизмерим с ним. Соответственно, обожествление человека-правителя теперь невозможно вообще, а категория «сакрального», которая по-прежнему определяется явной и прямой связью с божеством, приобретает совершенно новое измерение: отныне это связь не просто с необычайно могущественными силами мира, но с его иностанциальным центром, абсолютным источником всякого бытия и восприятия (в том числе разума и этики).

Начиная с эпохи просвещения и в современную эпоху, когда картина мира строится, прежде всего, на основе естественнонаучного познания,

была сделана попытка лишить власть ее сакрального содержания. С точки зрения естественных наук, сколь угодно обыденные и мелкие процессы, с одной стороны, и сколь угодно «таинственные» и масштабные процессы, с другой, *вызываются одними и теми же силами, в равной степени вовлеченными как в «великие», так и в «ничтожные» (для человека) события.* Все эти силы безличны, и ни одну из них нельзя назвать более «мощной» или «таинственной», чем другая; все они одинаково доступны человеческому познанию.

Таким образом, научное видение мира исключает всю ту систему бинарных оппозиций, противопоставляющую друг другу силы разной мощи и природы, которая некогда задала само понятие «сакрального» и вне которой это понятие не может существовать. В результате в той самой мере, в какой мировоззрение строится на естественнонаучной основе, десакрализуется вся картина мира в целом – и власть, как ее элемент, в частности.

Становление и развитие сакрализации власти прошло ряд этапов, когда за верховным правителем официально закрепляется священный статус. Определенным «отклонением» от нормы является античная цивилизация, где впервые происходит так называемый «срыв социальности» и утверждается рациональный подход к обществу и его правителям. После упадка греческой цивилизации развитие человеческой истории пойдет по двум основным путям развития – западному и восточному. Римское право, представляя собой венец антично-эллинистической правовой культуры, в течение долгого времени было пронизано символическими и сакральными элементами, практически полностью регулировавшими семейные и наследственные отношения в духе многоцветного языческого пантеона.

В Восточной Римской империи император вместе с патриархом находился в состоянии «симфонии власти» – светской и духовной, и в этом качестве обладали сакральностью, занимая первенствующее место в иерархии посредников между сферой сакрального и миром brutального.

В истории мировой культуры византийской цивилизации принадлежит особое и, бесспорно, выдающееся место. Византия дала Европе и всему миру высокие образцы литературы и искусства, которые отличало не только благородное изящество форм, но и глубина философско-религиозной мысли, образное видение мира, утонченность эстетического мышления. По уровню развития образованности, по напряженности духовной жизни, по силе выразительности и глубокой одухотворенности

изобразительного искусства Византия на многие века опережала страны средневековой Европы.

В глобально-историческом масштабе после падения Византии эпоха сакрализованных правителей определялась процессами, характерными для Нового времени, достигшие решающего этапа лишь в период «Великих революций» XVIII–XIX вв. Исключительный пример сакрализации власти в Западно-христианской Европе связан с феноменом «наместника Христа» и наблюдался в латинском мире, когда Папы Римские и германские императоры «возобновленной» Римской империи одновременно приняли титул «наместника Христа».

В эпоху Нового времени, происходит второй «срыв» во взаимоотношениях религии и власти, сакрального и светского элементов. В целом, основываясь на примате человеческого разума, представители эпохи Нового времени отвергают средневековые представления о божественном происхождении королевской власти. Вместо этого они выдвигают теорию «общественного договора», согласно которой, государство возникло на основе добровольного соглашения между людьми, заключенного в глубокой древности, причем это соглашение могло быть расторгнуто в любой момент. Здесь надо заметить, что эпоха Реформации нанесла сокрушительный удар по модели «наместнической власти» и протестантизм провозгласил ненужность иерархии посредников между миром сакральным и миром brutальным. Тем самым было положено начало тенденции десакрализации власти в Европе светских владык, несмотря на формальное принятие протестантскими государями титула главы конфессии. Однако Реформация лишь подорвала, но не уничтожила полностью сакральные основы власти монархов как таковые. Уничтожить их полностью она в принципе не могла, поскольку протестантские общества в основе своей оставались христианскими, то есть подлинно религиозными. Так, в одной из самых «передовых» стран нового времени, Англии, Реформация дала толчок процессу десакрализации королевской власти, но еще в начале XVIII в. страждущие обращались к монарху за исцелением путем наложения им рук на больного. В католической Франции же этот обряд исчез лишь вместе с самой монархией после Великой Революции. В эпоху капитализма власть утрачивает свою сакральность и начинает связываться с тем, насколько она может обеспечить не только финансовое благосостояние, но и комфорт. В эпоху информационной цивилизации на месте сакрализации появляются новые формы – сферой их действия становятся информация и тайные знания.

Особенность сакрализации власти в России

В противоположность Европе, где XVI век – век Реформации ознаменовал начало заката местнической модели власти, в Московском царстве именно к данному периоду относится укрепление этой общехристианской модели сакрализации власти. Российский вариант модели сакрализации власти как власти вселенской явится хронологически последним в истории христианской цивилизации.

Россия – это единственная страна, которая по размерам своей территории, разнообразию экономических, политических и социальных факторов, по обилию культур, населяющих ее народов, может быть сравнима со всем миром. Здесь можно найти все уровни развития, начиная от родового строя и заканчивая постиндустриальным обществом. Здесь присутствуют практически все экономические уклады, начиная от примитивного хозяйства и заканчивая современными рыночными отношениями. Россия – это модель мира в миниатюре, и все те процессы, которые происходили в мировой истории, так или иначе, отражались на общественном состоянии, на социальных и культурных процессах в нашей стране.

На протяжении столетий на вершине светской власти в России оказывались правители, которые считали себя носителями власти божественной. С процессом христианизации фигура Великого князя Владимира становится одной из ключевых на историческом ландшафте России. Именно с этого момента начинается становление и укрепление священного статуса царской власти по модели государственности византийского типа.

Царствование Ивана III Великого стало переломным моментом в развитии верховной власти в России. Именно в его правлении символом царской власти стал герб России, на котором будут начертаны слова: «Великий князь Божией милостью Государь Всея Руси».

В XVII столетии в плане соотношения сакрального и brutального, мирского произошли существенные изменения, но смысл их заключается отнюдь не в «обмирщении» – убывании религиозности русского общества. Так, раскол, как принято считать, ослабил русскую церковь, обострив противоречия внутри нее и внутри общества. Но одновременно с этим раскол резко актуализировал для общественного сознания глубоко конфессиональные проблемы, ранее по большей части широко не обсуждаемые. Вопрос об отношении к расколу встал буквально перед каждым православным. Ситуация выбора толкала к осмысленному волеизъявлению в области вероисповедания, к собственной оценке тех

или иных установлений и обычаев. Поэтому раскол оказался питательной средой для роста, а не умаления религиозности русского общества XVII в.

В этот же период происходит массовое строительство храмов, основание монастырей, прославление новых святых и чудотворных икон. Прославляются мощи свв. Александра Свирского и князя Георгия Всеволодовича, Кирилла Новоезерского и Анны Кашинской; торжественно открываются мощи преп. Саввы Сторожевского и переносятся в Успенский кремлевский собор останки митрополита Филиппа, патриархов Иова и Гермогена. Даже мощи св. Даниила Московского, родоначальника московских царей, открыли только в 1652 г. Широким потоком хлынули на Русь и священные реликвии православного Востока.

Даже самое общее рассмотрение материала свидетельствует не об обмирщении русской культуры XVII века в отличие от Европы, а, наоборот, об усилении ее религиозной направленности. Вероятно, это и обусловило новый тип контакта человека и Бога, глубоко личный, но не лишенный мистической окраски. Становление личности отнюдь не означало ее эмансипации от Творца: наоборот, только в высшем начале она обретала опору для своего «самовластия».

Высокий духовный потенциал эпохи послужил причиной окончательного формирования в этот период представления о «Святой Руси». Впервые словосочетание «святая и Великая Россия» встречается в «Послании Филофея московскому Великому Князю Василию Ивановичу о Третьем Риме» (1580-е годы), хотя процесс формирования представлений о «Святой Руси» происходил постепенно и важным его истоком, вероятно, послужила массовая канонизация русских святых, предпринятая макарьевскими соборами 1547 и 1549 гг. Свою роль сыграло в этом и учреждение патриаршества, возвысившее сакральный статус Русской Церкви и Русского государства. Причем возрастание святости в Русском государстве происходило на фоне ее «убывания» в других православных странах.

Русская земля, по мнению русских людей XVII столетия, стала постоянным местом обитания небесных сил: эта вера заметна как в заговорах, так и в рассказах о видениях и явлениях, составляющих особый жанр литературы XVII в. Таким образом, сакральное на Руси в сознании современников XVII столетия заметно потеснило область мирского. Будучи Святой землей, Русь имела и свой сакральный центр, совпадающий с центром мира. Поэтому на определенном этапе Москва стала сопоставляться с Иерусалимом; возникла даже мысль об идеологической замене ею Иерусалима как «недостойного» и оскверненного еретиками

и иноверцами, стала формироваться концепция Москва – Второй Иерусалим.

В социальном плане русское общество было значительно более монолитным, чем западноевропейское, что объяснялось сохранением патриархально-общинного начала. Мало отличались образ жизни, быт князя или даже царя от быта его подданных: И.Е. Забелин справедливо указывал на количественный, а не качественный характер таких отличий. Крестьянин жил в избе-клету, а царь – в хоромах, по сути, бывших комбинацией таких же срубов-клетей, с универсальной мебелью – пристенными лавками. Одежда знати шилась из дорогих тканей, но покроем ее напоминал крестьянское платье. На пирах царя развлекали скоморохи, потешавшие и простых горожан. Наконец, и царь, и крестьянин слушали одни и те же церковные службы на понятном им языке – в противоположность Западной Европе, где церковная латынь была уделом избранных.

Все это создавало условия для общности эстетических идеалов разных социальных слоев. Русская знать, собственно говоря, вряд ли могла приобрести некие идеалы, отличные от общенародных. Из Византии была заимствована почти исключительно церковная культура, ее сакральное содержание по отношению к которой и властители, и подданные находились в одинаковом положении. Древняя народная культура, унаследованная от дохристианских времен, изначально была единой вследствие недавнего родоплеменного прошлого восточных славян. После принятия христианства она испытала сильнейшее воздействие новых представлений и ценностей, но поскольку эти представления опять-таки были общими и не нарушали общего культурного строя Древней Руси, то и трансформация старой культуры во всех слоях общества пошла по одному пути.

Эпоха Смутного времени (XVII в.) стала первым срывом сакрального статуса власти. После преодоления Смутного времени, на троне утверждается династия Романовых, династия, которая просуществует три сотни лет. С правлением Петра I власть императора начинает сочетать в себе две ветви – церковную и светскую. Упразднение института патриаршества и захват полновластного управления страной, светское образование этого политического деятеля, энергия и деятельный, живой ум сделали этого правителя фигурой знаковой, но, одновременно с этим послужили началом десакрализации его власти. Период дворцовых переворотов, начавшийся практически сразу после смерти Петра, ярко высвечивает момент нестабильности, разбалансированности власти. Империя все чаще обнаруживала в себе признаки одряхления.

Здесь надо заметить, что в России между государством и личностью сложились совершенно особые отношения. Традиционные патриархально-общинные отношения в хозяйственной жизни, сверхцентрализация государственного управления и сакрализация власти составили основу просветительской идеологии интеллигенции, претендовавшей на роль ядра общества и видящей в подавляющем большинстве населения страны – рабочих и крестьянах, лишь предмет опеки. Вопрос, что важнее: личность или государство – в России всегда решался в пользу второй компоненты, несмотря на периодические бунты первой. Можно сказать, что до сих пор отношение народа к высшей государственной власти и ее отдельным представителям имеет двоякую природу. Она заключается в том, что князя (царя, императора, генсека, президента) начинают наделять божественными чертами. При этом прослеживается любопытная закономерность: чем дальше от сферы личного влияния власти находится народ, тем сильнее недовольство существующим политическим строем, однако стоит власть предрержащему появиться перед своими подданными, как недовольство исчезает, уступая место восхищению, или, быть может, недовольных в близком окружении просто оказаться не может.

Процесс десакрализации власти в Европе и России Нового и Новейшего времени был тесно связан с процессом социо-экономической и политической модернизации. В свою очередь, секуляризация всех сторон жизни способствовала возникновению такого феномена, как квазирелигиозность, который лежал в основе специфической модели «сакрализации» власти в условиях индустриального общества.

«Сакрализация» власти в тоталитарных обществах эпохи современной культуры – феномен особый, напрямую связанный с появлением именно в секулярную эру, так называемых, «гражданских религий», т.е. тоталитарных квази-, псевдо- и даже антирелигий по своей сути, поскольку они номинально устраняют из картины мира (или делают глубоко вторичным) все собственно трансцендентное, но одновременно вводят некий фактический эрзац его абсолютизированной сверхценности, ориентируя своих адептов на достижение тотального высшего блага и построение идеального общества, «новой земли и новых небес» силой человеческих разума и воли в «тварном» мире сём, отныне провозглашаемом единственно сущим или единственным существенным для человечества. В этой ситуации, когда в картине мира не находится места ни для доосевых божеств, ни для Бога, ни для свободного индивидуума-человека, тоталитарный правитель – обладатель абсолютного знания,

совершенной мудрости, дара «научного» предвидения – скорее может быть соотнесен с обожествленным, нежели с сакрализованным правителем, то есть, здесь мы наблюдаем некие моменты архаизации или неоязычества. Поскольку правитель, наделенный сакральностью, не является божеством, а лишь призван служить связью между людьми и высшими силами, определяющими их жизнь. Марксистско-ленинская идеология при всем своем богоборчестве, а быть может, и благодаря ему, также не лишена была признаков псевдосакральности. Но это именно квазиобожествление, ибо в основе его – квазирелигия; это некое подобие и аналог обожествления правителя в архаических обществах.

Современная демократия также может рассматриваться как квазирелигия и носит элементы сакральности, поскольку демократии здесь также мало, как и реальных коммунистических идеалов в советской системе, ею провозглашаемой. Поэтому вопрос вновь возвращается в плоскость обретения или необретения народной любви и способности лидера служить народу и подлинно национальным интересам России.